

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИКА

Р.И. Соколова

Проблема идентичности российской цивилизации и геополитика

Rimma I. Sokolova

The problem of identity of Russian civilization and geopolitics

Статья посвящена цивилизационной идентичности России в свете современной геополитики, которая является остро актуальной. Исходя из поставленной задачи, в статье предлагается изменить подход к исследованию сущности российской цивилизации, выраженной в символическом виде в вопросе «кто мы?», что порождает разногласия и ведет в тупик. Более ответственный и проективный подход дает ответ на вопрос «зачем мы?». Этот вопрос переводит исследование в плоскость поиска Смысла цивилизации и более органично связан с проблемой идентичности, а также геополитикой. Подчеркивается, что вопрос о Смысле является важным метафизическим вопросом, имеющим также онтологическое измерение. Смысл имманентен Целому, пронизывает всю цивилизацию и является для нее, по существу, Законом. Автор приходит к выводу, что Смысл цивилизации наиболее плодотворно раскрывается в классической русской философии, которой свойственно внимание к объективной реальности, наличие методологического принципа «мы», исследование темы отношений России и Европы. Данные свойства русской классической философии в своей совокупности и взаимопереплетении помогают более осознанно подойти к современной геополитике и способствовать выявлению онтологического смысла российской цивилизации на данном этапе. В связи с этим отмечается происходящая в современной геополитике интенсивная реактивация «образа врага», имеющего своим истоком теорию К. Шмитта. «Образ врага» неотделим от понятия войны, опасность которой отмечают многие военные эксперты. В онтологическом плане основной смысл российской цивилизации заключается в ее защите от многообразных угроз. Постигание метафизической стороны Смысла – не менее важная задача. Всечеловечность, сохранение духовных ценностей, утраченных Западом и др. – производные от этого Смысла.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, цивилизация, смысл, геополитика, реальность, принцип «мы», раскол, «образ врага».

The article is devoted to the civilizational identity of Russia in the light of modern geopolitics, which is acutely relevant. Based on this task, the article proposes to change the approach to the study of the essence of Russian civilizationism, expressed symbolically in the question “who are we?”, which generates disagreements and leads to a dead end. A more responsible and projective approach gives an answer to the question “why are we?”. This question translates the study into the plane of the search for the Meaning of civilization and is more organically connected with the problem of identity, as well as geopolitics. It is emphasized that the question of Meaning is an important metaphysical question that also has an ontological dimension. Meaning is immanent to the Whole, permeates the entire civilization and is, in essence, a Law for it. The author comes to the conclusion that the meaning of civilization is most fruitfully revealed in classical Russian philosophy, which is characterized by attention to objective reality, the presence of the methodological principle “we”, the study of the topic of relations between Russia and Europe. These properties of Russian classical philosophy in their totality and interweaving help to approach modern geopolitics more consciously and contribute to the identification of the ontological meaning of Russian civilization at this stage. In this regard is noted, the intensive reactivation of the “enemy image” taking place in modern geopolitics, which has its origin in the theory of K. Schmitt. The “image of the enemy” is inseparable from the concept of war, the danger of which is noted by many military experts. In ontological terms, the main meaning of Russian civilization is to protect it from diverse threats. Comprehension of the metaphysical side of Meaning is no less important task. The universal humanity, the preservation of spiritual values lost by the West, etc. are derivatives of this Meaning.

Keywords: identity, crisis of identity, civilization, sense, geopolitics, reality, principle “we”, “enemy image”.

Введение

Проблема идентичности является ключевой для любой цивилизации, ибо цивилизация, утрачивая идентичность, неминуемо вступает в фазу деструкции, распада, откалывания территорий. Особенно значимой проблема идентичности является для постсоветской России, находящейся в стадии длящейся трансформации своих фундаментальных основ. Находясь длительное время в процессе цивилизационной мутации, связанной с крушением СССР, тотальной вестернизацией и попытками встроиться в европейскую систему координат, современная Россия неизбежно и ожидаемо вступила в состояние болезненного «кризиса идентичности» [см. Примечание], который наиболее остро проявлялся в 90-е годы и до сих пор еще не преодолен. Масштаб кризиса цивилизации зависит от того, сколько опор идентичности разрушено или опасно раскачено; в случае России можно говорить о почти тотальном их разрушении, во всяком случае ее видимых опор. Описание признаков и симптомов кризиса идентичности довольно полно представлено в литературе [5, 7, 24], они общеизвестны и хорошо знакомы каждому человеку в стране.

Решение проблемы цивилизационной идентичности актуализируется в России как условие суверенитета, социокультурной, экономической и духовной самодостаточности страны. Данная проблема имеет первостепен-

ное значение прежде всего в свете геополитики, приобретшей сегодня острую злободневность. Современная ситуация убедительно демонстрирует развертывание геополитики в соответствии с ее основными законами, в результате которых наша страна получила полный набор вызовов – цивилизационных, военных, идеологических, экономических, информационных, технологических и др.

Поиск выхода из тупика кризиса идентичности

Вербальным и эмоционально окрашенным выражением кризиса идентичности в России является часто возникающий в интеллектуальных кругах и публичной сфере вопрос «Кто мы?», предполагающий выяснение статуса и сущности российской цивилизации. Предлагаемые ответы представляют различные точки зрения, обусловленные идеологическо-мировоззренческими предпочтениями их носителей. Само существование разных подходов свидетельствует об очевидном отсутствии практических последствий соответствующих усилий, т.е. они не находят своего воплощения в общепризнанных результатах. Это один из тех вопросов, философская рефлексия по поводу которого не дает ожидаемых значимых итогов, поскольку сам вопрос внутренне многозначен, противоречив и выходит за пределы ситуаций, в которых он формулируется. Поэтому он не столько предполагает удовлетворительный ответ, сколько порождает разногласия как относительно прошлого, так и настоящего в их политическом, социальном и мировоззренческом измерениях. В постсоветское время при обсуждении этого вопроса доминирует стремление некоторых российских философов делать особый акцент на существовавших в России и в прошлом, и в настоящем разногласий, расколов, гипостазируя их [3, с. 232–234]. Тем самым явно или неявно кризис идентичности онтологизируется, ему придается статус самостоятельного и неотъемлемого бытия, извечно присущего российской государственности и цивилизации. Такую повышенную готовность выхватывать всякие слабости и недостатки России очень точно характеризует образное высказывание И. Ильина: «Нынешние люди рождены для порицания – они видят не Ахиллеса как такового, а только его пятку» [10, с. 16]. А вопрос «Кто мы?» не способствует объективному пониманию «Ахиллеса», в конечном счете, он носит блокирующий характер и ведет в тупик.

Полагаю, что из этого тупика можно найти выход, если изменить постановку вопроса: вместо «Кто мы?» задать вопрос «Зачем мы?» Он более осознанный, ответственный, означает проективный подход к обсуждаемой теме, т.е. помогает определить приоритеты и ориентиры. В таком случае могут разблокироваться многие тупики, казавшиеся непреодолимыми, и появится возможность выйти на новые структуры и механизмы формирования иден-

тичности. И самое главное – на этом пути намечается перспектива решения проблемы цивилизационной идентичности, что может способствовать успешному формированию Проекта цивилизационного развития России. Иными словами, ответ на вопрос «Зачем мы?», дает понимание того, как, куда и в каком направлении должна двигаться Россия. Такой подход совпадает с высказыванием Э. Эриксона: «Только тот, кто знает, куда идет и кто идет вместе с нами, являет собой безошибочно узнаваемое, если не всегда легко определяемое светлое единство внешнего образа и внутреннего содержания» [26, с. 313–314]. Таким образом, этот вопрос является критически важным для всего мира, находящемся в экзистенциальном вакууме, и особенно для России.

Вопрос «Зачем?» – это вопрос о Смысле как индивидуальной жизни, так и общецивилизационной, ибо если нет смысла, то нет мечты и цели, а значит, и нет желания достичь чего-то, выходящего за пределы их наличного существования. Смысл с трудом поддается конкретизации и тем не менее он неизбежен и имманентен Целому. Смысл обладает функцией пронизывать всё и везде, быть сквозным для всей цивилизации, становясь, по существу, единым Принципом или даже Законом. Люди могут сами придавать смысл своим действиям посредством тех целей, которые они ставят перед собой. Но сам Смысл не относится к функции цели. Поиск Смысла – это обращенность не в прошлое, а в будущее, это понимание того, куда идти дальше. Осознание Смысла проясняется для человека или цивилизации в моменты внезапно возникающего прозрения, как правило, в экстремальных ситуациях. Но даже уверенность в том, что он найден, не снимает необходимости подтверждать его имманентность снова и снова, если он уже не обладает очевидностью достаточной силы. Смысл не кажется наблюдателю изначально данным, он представляется лишь как теоретическая возможность, поскольку в значительной степени являет собой метафизическую реальность. Но он обладает возможностью проявления в качестве онтологического факта. Отсюда становится ясно, что Целое (цивилизация или вся жизнь человека) связано с динамикой жизни и истории. В онтологическом плане Смысл не статичен, в разные исторические периоды он может проявлять себя разными гранями и свойствами.

Вопрос «Зачем?» – из разряда «проклятых вопросов», он сложный, многогранный, все мировые религии, а также философия выдвигали разные варианты такого ответа. К его решению подключились и представители других отраслей знания, в результате постижение его сути стало задачей междисциплинарных исследований [11]. Тем не менее, несмотря на все сложности, попытки осознать Смысл российского бытия в его метафизическом и онтологическом понимании применительно к современной ситуации, могут способствовать выработке правильной стратегии России для формирова-

ния соответствия между ее цивилизационным, историческим назначением и внутренним содержанием всех сторон ее жизнедеятельности и существования, которые в настоящее время находятся в разбалансированном состоянии.

Вопрос «Зачем?» оказывается главным экзистенциальным вопросом, ответ на который ищет каждая цивилизация, общество и человек. Не случайно самоубийцы часто оставляют предсмертную записку, в которой сообщают, что уходят из жизни, так как не видят в ней смысла. Вот и А.С. Пушкин однажды написал отчаянные строки: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» [15, с. 104]. Похожим вопросом задавался и Аполлон Майков. Ф.И. Тютчев уже ставил этот вопрос более глубоко и в глобальном контексте мировых исторических событий, соединяя воедино основополагающие смыслы бытия как отдельного человека, так и онтологические основания существования России. Поэт пытался понять, в чем состоит смысл исторического существования России: «Что такое Россия? – вопрошал он, – Каков смысл ее пребывания в мире, в чем ее исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою?» [22, с. 33]. Дать убедительный, основательный и всесторонний ответ на этот вопрос, полагал Тютчев, способна лишь философия истории, поскольку Россия – это целый и единый мир.

Но не только русская поэзия, а также и русская философия уделяли этому вопросу большое внимание, полагая, что наше бытие в этом мире, возможно, имеет какую-то высокую цель и историческое предназначение. Так, выдающийся русский философ Е.Н. Трубецкой посвятил этой теме свой основной труд «Смысл жизни», в котором выражены мысли, звучащие настолько актуально, что кажется они высказаны сегодня. В предисловии к своей книге он пишет: «Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. <...> Потребность ответить на вопрос о смысле жизни в такие эпохи чувствуется сильнее, чем когда-либо. Да и самый ответ при этих условиях приобретает ту выпуклость и рельефность, которая возможна только в дни определенного, резкого выявления мировых противоположностей» [21]. Трубецкой, рассуждая об особенностях «Смысла», подчеркивает его безусловное значение, не зависящее от чьих-либо субъективных переживаний и произвола индивидуальной мысли. Тема Смысла была для него не психологической и не моральной, а скорее онтологической. Он выделял такие его качества, как всеобщность, неизменность, вневременность (вечность), т.е. те качества, которые приближают его к понятию «Истина».

Таким образом, вопрос о Смысле вместе с сопряженной с ней Истиной является важным метафизическим вопросом, имеющим прямое отношение к последним причинам бытия, в которых, возможно, и кроется отгадка. Но каковы же возможности философии в решении этого вопроса? Если гово-

речь о западной философии, которая имеет в нашей стране статус настоящей философии (а она действительно имеет много достижений), то тогда придется констатировать, что если эта философия не выходит за свои пределы и остается тем, чем она является, т.е. абстрактным, умозрительным знанием, в котором почти не просматривается связь с реальной действительностью, то она ничем не может помочь в раскрытии Смысла [27, 29, 30]. А потому, как заметил русский философ С.Л. Франк, западная философия должна честно сказать: «не знаю». В самом деле, философия, имеющая статус преимущественно рационального знания за длительный период своего существования (более двух тысяч лет) не пришла ни к одному удовлетворительному объяснению какого-либо философского положения, постулата, который не мог бы быть кем-то принципиально оспорен, противопоставлен другому утверждению, спровоцировав тем самым так называемый «скандал в философии». В конце XIX – начале XX века, этот «скандал» был осмыслен и закреплён как понятие во многих словарях и энциклопедиях [18], хотя фактически существовал на всем протяжении истории западной философии.

И все же без философии совсем не обойтись – вопрос только в том, какой философии? Что касается постсоветской философии, то она движется преимущественно в русле установок современной западной философии, вдохновляясь постмодернистскими и феноменологическими играми, обретая тем самым вторичный характер. При этом проявляет слабый интерес к общественно значимым российским проблемам. Отсюда вытекает ее склонность к эскапизму и непродуктивному эклектизму, чему способствуют и объективные причины. Философия в современном российском рыночном обществе сохраняется лишь по инерции, приличия ради, поэтому «игра в бисер» вполне соответствует его духу, отвлекая от серьезных проблем. Правда, в последнее время наметились некоторые позитивные тенденции.

В такой, почти безысходной ситуации, взоры невольно обращаются к имеющей всемирное признание классической русской философии как к последней надежде. Например, отечественный философ К.С. Пигров полагает, «что русская философия ныне не только возможна, но и необходима, что именно сейчас наступают философские времена» [9]. Этот поворот может показаться непривычным, означающим уход с проторенного пути – искать любые ответы в западной философии (ведь ее достижения неоспоримы). Пигров обосновывает свою позицию тем, что в мире господствует неопределенность и неуверенность, народ испытывает страх перед лицом грядущего. Как он точно заметил, «философия стоит перед лицом неопределенности, вернее, неопределенность перед лицом философии, при том, что никакая позитивная наука не помогает понять происходящее» [Там же].

Но почему же именно классическая русская философия? Исчерпывающее объяснение этому дал еще крупный философ Серебряного века С.Л. Франк в своей работе, опубликованной им в 1925 году, «Сущность и ведущие мотивы русской философии» [23]. Он отметил, что русская философия в отличие от западной менее склонна к «чистому познанию», умозрительно-беспристрастному размышлению, в чем, с одной стороны, сказывается молодость русской философии, а с другой, – проявляется свойственная ей сущность. Философ называет ее конкретным интуитивизмом, который исходит из понятия конкретно-онтологической живой «истины». «В своем первичном смысле она выступает, – пишет Франк, – конкретной онтологичной сущностью, сущностным основанием жизни» [Там же, с. 152]. Поэтому неудивительно, что основное внимание русская философия уделяла существующему **реальному бытию**, т.е. «реальному проникновению в само бытие». Такое ее свойство объясняет, почему основным проявлением философского творчества русских философов обычно выступает форма свободной статьи, написанная по поводу конкретных исторических и социальных вопросов. Данный подход может натолкнуть на мысль, что русское мышление к собственно философским вопросам не имеет «ни интереса, ни дарования». Но это не так, утверждает Франк. Во-первых, целый ряд русских мыслителей, посвятивших себя чисто философским или религиозно-философским проблемам, получили международное признание. Во-вторых, социальная философия в России представляет собой нечто большее, чем это кажется на первый взгляд, как, впрочем, и русская классическая литература XIX века, активно занимавшаяся поиском Смысла жизни.

Следующей характерной чертой русской философии, отличающей ее от западной, является ярко выраженный лейтмотив, пронизывающий ее основы, – это **принцип «МЫ»**. Он мыслится как глубочайший корень, последний опорный пункт и внутренний носитель «Я», а не внешнее единство множества «Я». Таким образом, согласно Франку, «МЫ» является органическим целым, т.е. таким единством, в котором его части тесно с ним связаны, им пронизаны и солидарны с ним. «МЫ» полностью присутствует в своих частях, как их внутренняя жизнь и сущность. Но «Я» в его свободе и своеобразии этим не отрицается. <...> Жизненность «Я» создается сверхиндивидуальной целостностью человечества [23].

Другой важной особенностью русской философии, на которую обращает внимание Франк, является специфика ее предмета исследования, которая отличает ее от западной философии и выливается в крупную проблему, занимавшую умы русских философов – это **тема России и Европы**, имеющая прямое отношение к вопросу цивилизационной идентичности.

Специалисты по русской философии отмечают несколько существенных черт русской философии. Не останавливаясь на их раскрытии, для целей нашей статьи выделим три основных и значимых пункта русской философии, которые применительно к современной ситуации дают ориентиры для ответа на вопрос «Зачем?»: 1) внимание к реальному бытию; 2) принцип «МЫ»; 3) отношения России и Европы. Применение этих установок в качестве методологической основы исследования возможно только в их единстве и взаимопереплетении. Иными словами, задавать вопрос о Смысле – значит вести речь о воссоздании единства того, что А.Ф. Лосев называет культурным типом. Следует заметить, что понятие «цивилизация» и «культурный тип» часто отождествляются исследователями. Если встать на такую точку зрения, то в утверждении Лосева о том, что культурный тип есть нечто целое, в котором мифология, философия и экономика объединены неразрушимой связью [12], можно увидеть важные ориентиры для России. Воссоздание единства мифа, включающего установку на целостность (в современной интерпретации – это государственная идеология в ее мировоззренческом смысле); русской философии, неразрывно связанной с действительной жизнью России и ее отношениями с Европой; экономикой, построенной на достижениях отечественных экономистов – это главный принцип методологии Лосева в исследовании сложных явлений российской цивилизации. Такой подход предполагает более обширное исследование. Мы же остановимся пока на отмеченных трех принципах русской философии.

Внимание к реальному бытию

Адекватное описание современного бытия России – невероятно сложное дело и не входит в задачи данной статьи, поскольку в литературе имеется множество попыток отображения и анализа тех или иных его сторон. Отметим лишь некоторые факторы, которые подвергают опасности цивилизационную идентичность России. Среди них большую роль играют не только такие внешние факторы, как глобализация и весьма недружественная, и даже враждебная политика западных стран по отношению к России, о чем пойдет речь ниже, но и внутренние, наиважнейшие из которых связаны с наличием множества этноконфессиональных идентичностей, неоднозначностью цивилизационной ориентации некоторых из них, порой симпатизирующих иным цивилизациям и доминирующих над общероссийской цивилизационной идентичностью. Приглушенные в советское время национально-цивилизационные различия под влиянием заинтересованных в ослаблении России сил заостряются, способствуя разрушению российской идентичности.

Следует отметить также наличие поколенческих групп, имеющих разные идеологическо-мировоззренческие предпочтения или ориентированных на глобалистские ценности. Наблюдаются большие различия в менталитете людей, сформировавшихся и выросших в советское время и поколениями, родившимися в 90-х годах, становление которых происходило в новой системе координат, резко контрастирующих с прежними. Значимой проблемой является сохранение бедности, резкого социального неравенства и неизмеримо выросшего запроса на социальную справедливость. В обществе отсутствует понимание общей «сверхзадачи» и того пути, куда движется Россия, т.е. нет *идеологии общей судьбы*, что ведет в экзистенциальный, смысловой тупик. Как следствие – общество расплывлено на отдельные локальные сообщества со своими частными эгоистическими интересами. Осмысление этой ситуации ставит перед философом трудную задачу – ответить на вопрос «Зачем?», т.е. раскрыть Смысл общенациональной российской цивилизационной идентичности с ее культурно-цивилизационной спецификой. Иными словами, обозначить единое, всеми разделяемое основание для ее существования или, говоря словами А.В. Смирнова, «найти универсальность неуниверсализируемого» [19, с. 202].

Принцип «Мы»

В научной литературе и в публицистике, как уже отмечалось, нет недостатка в описании того, что нас разделяет: они зримы и всем хорошо известны. Однако есть более важная задача: «Мир должен быть оправдан весь / чтобы можно было жить!» – провозгласил в начале прошлого века поэт К. Бальмонт. В отличие от прошлого века эта задача сегодня уже мыслится иначе – речь должна идти о большой духовной и материальной работе по освобождению мира (в узком смысле – российского), и в широком – всего человечества от тех нагромождений «Зла» – как символического термина для обозначения многочисленных угроз и страданий людей, которые ведут в бездну небытия.

От падения в бездну предохраняет прежде всего то общее, что нас еще объединяет и сохраняется на подсознательном уровне бытия, определяя его общественно-ментальные контуры. Речь идет о существовании общего мирочувствия, которое неуловимо и обычно не имеет видимых проявлений, но может обнаружиться неожиданным образом в сложных экстремальных обстоятельствах (война) или особых ситуациях таких, например, как присоединение Крыма или участие в «Бессмертном полку». Подобное мирочувствие является обязательным условием существования цивилизации и государства, которое не поддается агрессивному и настойчивому его вытравливанию. Именно оно пронизывает базовые характеристики цивилизации,

такие как язык, культура, ценности, обычаи, историческая память, которые произрастают из метафизической смысловой целостности, составляющей тонкий уровень всякой цивилизации. В структуре идентичности цивилизации мирочувствие занимает важнейшее место и является препятствием для полного разрушения России, к которой стремятся недружественные ей силы. На этом тонком уровне оно формировалось на протяжении столетий и присуще всем живущим в России народам и конфессиям с их представлениями о «добре и зле», о «должном и недолжном» и т.д.

Это мирочувствие воплотилось в культуре в целом, нашедшем отражение в исторически сложившемся понимании российского государства как холистического Целого, включающего в себя не поддающиеся рациональному анализу неформализуемые компоненты, относящиеся к метафизической сфере, которые и обуславливают природу Целого. Свободное соотнесение частей Целого, где каждая часть является носителем целостности в метафизическом и онтологическом плане реализуется на основе принципа «МЫ». Его воплощение в русской философии постулируется в двух формах, выраженных в терминах соборности и коллективизма. Эти термины вызывают наибольшую идиосинкразию у либерально настроенных авторов, поскольку термин «соборность» имеет корни в православной религии, а «коллективизм» по существу, имеет тот же смысл, что и соборность, однако выраженный сугубо светским термином, порой наполненный искаженным содержанием в советское время и отягощенный негативными коннотациями.

Но в действительности их глубинный смысл не имеет ничего общего с распространенным поверхностным толкованием, причины которого связаны с объективной трудностью сохранения аутентичного содержания специфического понятия при переносе его в иной интеллектуальный или социальный контекст. В философском плане наиболее весомый вклад в разработку понятия «соборность» внес уже упомянутый С.Л. Франк, которому было свойственно, как и русской философии вообще, в объяснении общественной жизни исходить из некоей глубинной основы, при этом выдвигая онтологический и исторический акценты на первое место. Логика соборного единства привела его к утверждению: «мы» – это не много «я», а «мы» – это большое распространенное «я». Соборность есть не что иное, как принцип бытия, присущий миру, человеку, обществу, культуре. Поэтому она, разъясняет современный автор А.Л. Анисин, «не представляет собой некоей этнографической особенности русского или славянского менталитета, как и не является принадлежностью только специфических религиозных общностей» [2, с. 9]. Глубинный смысл этого термина не является препятствием для того, чтобы дать ему другое, более современное звучание, как это, например, делает А.В. Смирнов: «Интуиция всесубъектности – это тоска по целостности после субъектности; тоска по восстановлению целостности при неутрате субъектности» [19, с. 208].

Принцип «МЫ» в его онтологическом статусе наиболее ярко раскрывается в свете геополитики. На протяжении веков Россия сформировалась в такой **геополитический центр**, к которому очень многие народы, искавшие защиты и экономической помощи, присоединились добровольно. И сегодня можно наблюдать, как Россия вновь становится точкой притяжения для некоторых бывших советских республик. Как отмечает политолог А. Безруков, «в мире есть очень мало цивилизаций, которые способны интегрировать. Например, японская цивилизация не способна интегрировать никого. Китайская цивилизация тоже сама в себе. Немцы в разное время пытались интегрировать народы с некоторыми успехами, но в итоге тоже неудачно. Французы, кстати, тоже, как и немцы, пришли к таким же результатам. У турок получилось достаточно долго интегрировать достаточно большой кусок мира» [4]. Безруков констатирует, что в современном мире остались лишь две цивилизации, способные интегрировать разные народы – англо-саксонская цивилизация и российская. Англо-саксонская построила эту интеграцию на формальных правилах. В отличие от нее российская цивилизация строилась на иной, очень глубокой и сложно объяснимой сущности. Добавляет непостижимости этому факту и в то же время приоткрывает завесу тайны метафорическое высказывание В. Аверьянова: «Русская цивилизация – это лаборатория, в которой Бог и история поставили эксперимент по выработке сверхнарода будущего. В ней варились и насыщали ее раствор множество архетипов иных культур и цивилизаций» [1, с. 13].

В самом деле, суть российской цивилизации остается непонятой, если не обращаться к русской философии, которая давно раскрыла этот секрет. Он кроется, как отмечает В.Н. Сагатовский, в том, что «Целое и индивидуальность как его часть (не просто элемент множества) воспринимают друг друга не как средства, но как самоценность, т.е. находятся в отношении взаимной любви» [17, с. 125]. В свете исторических событий и современности это высказывание звучит довольно утопично и идеалистично, но факт остается фактом: российская цивилизация существует, несмотря на все разломы, разлады и разногласия. Завершая этот раздел статьи, следует отметить: «МЫ» – онтологический и метафизический принцип бытия российской цивилизации, однако его реактивация сегодня возможна при особых обстоятельствах, речь о которых пойдет ниже.

Отношения России и Европы как отражение геополитики

Не так давно в современной Европе (Евросоюзе) также озаботились проблемой идентичности (впрочем, не в первый раз) и пришли к выводу, что они не знают, какая у них идентичность и есть ли она. В самом деле, Евросоюз настолько многообразен и в нем столько противоречий между входящими в него странами, что трудно определить эту идентичность.

А происходящая там секуляризация, культ индивидуализма, плюрализм и дифференциация, социальная мобильность, обостряющаяся «ситуация безродности» делают еще более проблематичным возможность коллективной идентификации [28]. Но если опять же поставить вопрос «Зачем?», тогда ответ появится и не только в историческом плане, но и в свете современности. Вывод об идентичности Европы можно сделать на основании общности западной цивилизации, которая исторически базировалась на наличии колониальной системы, дававшей большие преимущества экономике Запада. Ее вождельная цель и экспансионистская направленность в сторону России подтверждает история. Как отмечает И. Ильин, «западноевропейские народы в течение столетий пытались использовать тяжелое положение русских, борющихся против азиатского Востока и Юга, для утоления жажды завоеваний на восточных равнинах» [10, с. 16]. Эту ситуацию красноречиво характеризует такой незыблемый и значимый факт: «Раз в 100 лет вся Европа собирается с силами, чтобы понять, насколько Россия является непобедимой. Но помните, если что-то произошло один раз – это случайность, два – совпадение, а три – закономерность» [16]. И сегодня она во главе с США снова приближается к границам России. Запад предпринимает попытки вернуться к очередному циклу борьбы за усиление своего господства путем выхода за пределы существующей зоны влияния. Россия, как и несколько веков тому назад, по-прежнему стоит на переднем плане неистребимых и опасных устремлений Запада.

Современные контуры враждебного поведения Запада против России объясняются установкой (стратегией), которую наметил и идеологически обосновал более века тому назад в своей статье «Географическая ось истории» (1904) британский геополитик Х. Маккиндер, сформулировавший основные черты геополитики, цель которой – мировое господство. Его теория была неоднократно описана и проанализирована в российских публикациях, поэтому остановлюсь лишь на некоторых базовых тезисах, касающихся обсуждаемой темы. Центром концепции Маккиндера является «хартленд» (сердце земли), под которым понималось огромное пространство Евразии, совпадающее с границами России и обладающее богатыми природными ресурсами. Россия становилась «осью истории» как в стратегическом плане, так и с точки зрения ключевых различий ценностно-культурных оснований. О том большом значении, которое геополитик придавал «хартленду» свидетельствует его важнейший тезис: «Тот, кто контролирует хартленд – контролирует весь мир». В соответствии с таким посылом главной задачей виделось всемерное ослабление позиций России. После Второй мировой войны эта эстафета от Англии перешла к США, где концепция Маккиндера послужила теоретическим фундаментом для формулирования внешнеполитической стратегии. Его теорию в дальнейшем доработал и развил американец

Н. Спайкмен, но геополитический смысл остался прежним: кто доминирует над Евразией, тот держит судьбу мира в своих руках. Поэтому, несмотря на смену политических режимов и идеологий на Западе, продолжают множественные попытки ослабить Россию через организацию «цветных революций» в России и в сопредельных государствах, а также многие другие враждебные акции, затрагивающие все сферы российского присутствия в мире – экономические, культурные, виртуальные, космос, мировой океан, атмосферу.

В этом же русле возрождаются и актуализируются старые идеи, которые, оказавшись очень живучими, превратились в своего рода универсальные вечные идеи. К таковым относится идея врага, трансформировавшаяся в понятие «образ врага». Манипулирование общественным сознанием с помощью «образа врага» имело место и в прошлом, но в последние годы получило особенно большое распространение: почти все сферы общественной жизни Запада (и даже спорт) затронуты этим процессом. Разграничение между «другом» и «врагом» в политическом плане имеет своим истоком работу «Понятие политического» [25] немецкого философа, политолога и юриста К. Шмитта, ставшего также важнейшей фигурой геополитики и внесшего большой вклад в ее развитие. Интенсивность, с которой осуществляется реактуализация шмиттовского понятия политики, объясняется тем значением, которое имеют основные постулаты его концепции для западных политиков. Каковы же эти постулаты?

1. Решающим критерием политического мышления является для Шмитта определение и противопоставление «врага» и «друга». К политическому «врагу» неприменимы понятия морали, он другой, чужой и этого достаточно для определения его сущности. «Враг» в особо концентрированном смысле есть экзистенциально и политически что-то другое и чуждое.
2. Политика как различие между «другом» и «врагом» есть всегда источник той коллизии, которая не может быть разрешена ни при помощи уже имеющегося какого-то кодекса норм, ни благодаря «неучаствующему», а потому «непартийному» третьему. «Враг» в политическом смысле есть общественный враг, так как все, что имеет отношение к целому народу, становится общественным. Только на основе разделения по принципу «друг-враг» познается политическое единство народа и носителей суверенности.
3. Понятие «друг-враг» неотделимо от понятия войны, которая вытекает из враждебности. Она есть отрицание другого бытия. Политика предполагает войну, готовность к смерти участвующих в войне людей. Эта готовность не нуждается в легитимации посредством программ, норм или идеалов, она имеет только экзистенциальный смысл, относящийся к реальной ситуации действительной борьбы против действительного врага.

4. Категория «друг-враг» и подчиненная ей «реальная опасность» – война – это не юридические, не общественно-научные понятия, они не поддаются эмпирической проверке, с одной стороны, и нормативной фиксации – с другой, так как их ядро имеет отношение к конкретной ситуации. «Реальная опасность» – пограничное понятие, имеющее отношение к исключительной ситуации. Она не допускает долгих дебатов, компромиссов и промедлений, требует немедленного решения и тем самым реализации фактической власти и силы.

Рассуждения о «врагах» находят определенный отклик и поддержку среди части населения западных стран, ибо понятие «друг-враг» имеет глубокие корни в истории человеческой культуры. В традициях народов тысячелетиями живут так называемые бинарные оппозиции: друг-враг, свой-чужой, добро-зло, жизнь-смерть и т.д., хранящие память о самой архаичной классификационной схеме, с помощью которой человек осваивал окружающий мир. Искусно навязываемый «образ врага» всегда эмоционально окрашен и поэтому оказывает более быстрое воздействие на людей, преломляясь в их социально-исторически детерминированном сознании. Он, как правило, наделяется однозначными, крайне негативными признаками и формируется как совокупная, обобщенная характеристика тех черт, которые могут быть ответственными за весь груз социально-экономических и политических проблем.

Являясь проекцией всевозможных отрицательных черт, «образ врага» формален и абстрактен по своей сущности, и в этом качестве он превращается в своего рода алгоритм, устойчивый стереотип. Основная цель такого стереотипа – заменить всю сложность и противоречивость социально-политических проблем психологической, эмоциональной дилеммой и организовать вокруг нее коллективную волю народа. Социальная функция «врага» состоит в роли козла отпущения, т.е. своеобразного вентиля для снятия социальной напряженности; он является необходимым элементом той политической жизни, которая постоянно продуцирует конфликты и противоречия.

«Отводить зло на другого, иметь щиты против недовольства – хитрый прием правителей, – замечает испанский писатель Б. Грасиан. – И дело тут вовсе не в способности самих правителей, как полагает злоречие, а в особом расчете – нужен тот, на кого обрушилась бы критика за неудачи, кто принял бы на себя всеобщий ропот. Не все замыслы удаются, невозможно удовлетворить всех. Поэтому имей подставное лицо, мишень для поношений» [8, с. 35]. И как тут не вспомнить современную поговорку применительно к Украине и некоторым западным странам: «если в поле выпал град – это Путин виноват».

Конкретное наполнение «образа врага» подчинено социально-культурной и политической детерминации и зависит от характера эпохи, но функция остается неизменной. Сегодня обозначение России в качестве «врага» приобрело всеобъемлющий и беспрецедентный характер, длящийся уже на протяжении многих лет. Россия долгое время противостояла использованию такой риторики, предпочитая использовать слово «партнер». Однако масштаб агрессивной риторики со стороны Запада неминуемо вызвал феномен «**зеркального отражения**» (сформулированным американским ученым Ю. Бронфенбренером). Весьма примечательно, что впервые в истории постсоветской России в «Новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 при описании возросшей геополитической напряженности, недружественных действий иностранных государств и повышения угрозы применения военной силы все более явственно просматривается «образ врага» в отношении Запада, хотя и без применения этой риторики [14]. Но уже в интервью, которое В. Путин дал телеканалу «Россия 1», перед встречей в Женеве (в июне 2021 года), а Дж. Байден выступил в Англии на американской базе, как отмечают аналитики, «оба президента говорили о том, как они оценивают политику противника. Именно противника. Слово «партнер», конечно, будет использоваться и дальше. Но вчера они говорили о смертельных врагах» [6].

Если «образ врага» западного образца – надуманный, искусственный, демагогический, то для России «образ врага» – симптом пограничного бытия российской цивилизации, проявление экстремальных отношений с Западом, преследующим агрессивные цели по отношению к ней. «Образ врага» в России – это вынужденный феномен, это принуждение к экстремному осознанию опасной ситуации и выработки экзистенциальных решений на долгие годы. Российский «образ врага», связанный с угрозой третьей мировой войны, о которой говорят многие военные специалисты, является очень мощным стимулом для усиления сплоченности и консолидации всех народов России, для утверждения принципа «Мы» в его онтологическом статусе, т.е. укрепления российской цивилизации.

Заключение

Три указанных принципа, которые изложены по отдельности, в действительности неразделимы, и в своем единстве и целостности могут содержать ответ о Смысле российской цивилизации. Неравнодушный анализ реальности направляет наш взор на отношения с Западом как фактору геополитики. Но остается еще метафизическая сторона Смысла – таинственная и непостижимая, иногда прорывающаяся в российское бытие в виде Сакрального Хаоса. Как отметил писатель и философ Ю. Мамлеев, «на самом

деле этот Сакральный Хаос не только придает русской истории и динамике русского бытия непредсказуемые черты и повороты, но и защищает Россию. Защищает ее от мирового порядка, идущего извне, или от порядка, который исчерпал себя, или от засилья порядка вообще, который всегда ограничен, ибо он – порядок, “система”» [13, с. 147]. Но даже отраженный в конкретной жизни российской повседневности и во многом утративший свою сакральность, «он совершенно ошарашивает людей, привычных к стандартам западного образа жизни, <...> ибо их химерические жизненные “стандарты” мгновенно разрушаются при этом» [Там же, с. 163].

В онтологическом аспекте, как бы это прозаически не звучало, извечный Смысл российской цивилизации – бороться за выживание в биологическом, историческом, социальном, культурном и экономическом плане. «Зачем нам такой мир, если там не будет России?» – этот риторический вопрос В.В. Путина в концентрированном виде отражает все болевые точки современности. Смысл, понимаемый как борьба за выживание и защиту российской цивилизации и всех находящихся под ее крылом народов от многообразных угроз, – это одна онтологическая ипостась Смысла, другая – неотъемлемая и важная – предполагает всестороннее развитие и восхождение России к метафизически понимаемому Смыслу. Только в нерасторжимости и нераздельном единстве этих двух сторон выявляется подлинный Смысл российской цивилизации, который естественным образом решает вопрос ее цивилизационной идентичности. А все прекрасные миссии России (всечеловечность, гуманизм, ее сопротивление глобализму для предотвращения «растворения государств», сохранение духовных ценностей, утраченных Западом, и т.д.) лишь производные от этого Смысла. Осознание всем обществом Смысла российской цивилизации – необходимое условие для достижения общественного консенсуса относительно будущего страны, ее нравственных, мировоззренческих, экономических и политических ориентиров. Содержательное и концептуальное развертывание Смысла только предстоит осуществить. Это задача философии, без решения которой трудно представить перспективы формирования Проекта цивилизационного развития России. Когда Россия следует своему Смыслу, она сильна и уважаема всеми, когда же забывает об этом, она слаба, разобщена и презираема.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН. 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Rimma I. Sokolova – Sc.D. in Philosophy, Leading Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

rimmsok70@yandex.ru

Список литературы

1. Аверьянов В.В. Цивилизация потопа и мировая гибридная война. М.: Родина, 2021. 271 с.
2. Анисин А.Л. Соборность: феномен, понятие и принцип // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33 (171). С. 5–11.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М.: ФО СССР. 1991.
4. Безруков А. Почему Запад боится Россию. Кто заинтересован в критике советского прошлого? URL: <https://cont.ws@nikolaskas/2006412/> (дата обращения: 12.09.2021).
5. Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. М.: Институт наследия, 2017. 224 с.
6. В одном шаге от войны. Одно из самых загадочных Интервью Владимира Путина. URL: <https://telega.ph/V-odnom-shage=ot=vojny-Oдно-iz-samyh-zagadochny> (дата обращения: 17.08.21).
7. Гаджиева Р.Г. Кризис российской идентичности в условиях глобализации // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2009. № 2. С. 35–41.
8. Грасиан Б. Карманный оракул. М.: Наука, 1984. 632 с.
9. Загадка русской философии. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1272263/post346377438/> (дата обращения: 24.09.2021).
10. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга, 2007. 464 с.
11. Кузьмина М.А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 130–141.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 696 с.
13. Мамлеев Ю.В. Россия Вечная. М.: Издательская группа Традиция, 2020. 232 с.
14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Пушкин А.С. Дар напрасный, дар случайный // Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 104.
16. Раз в 100 лет вся Европа собирается силами, чтобы понять, насколько Россия является непобедимой. URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/raz-v-100-let-vsia-evropa-sobiraetsia-silami-chtoby-poniat-naskolko-rossiia-ia-vliaetsia-perobedimoi-60a228ba0e5c522bd8aedf03 (дата обращения: 03.08.2021).
17. Сагатовский В.Н. Есть ли будущее у русской философии? // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 121–130.
18. Скандал в философии. Новейший философский словарь. (Гл. науч. редактор и составитель Грицанов А.А.) Минск: Книжный дом, 1999; История философии. Энциклопедия. Минск: Интепрессервия: Книжный дом, 2002. 1375 с.
19. Смирнов А.В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 188–208.
20. Спиридонова В.И. «Кризис идентичности» в России и попытки его преодоления // Информационный сборник «Безопасность». 1994. № 1–2. С. 39–45.
21. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. URL: <https://azbuka.ru/otecchnik/EvgeniyTrubeckoj/smysl-zhizni/> (дата обращения: 08.08.2021).
22. Тютчев Ф.И. Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей Газеты». Россия и Запад. М.: Культурное наследие: Республика, 2007. 574 с.
23. Франк С.Л. Сущность и мотивы русской философии // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 146–160.

24. Чекменева Т.Г. Кризис национальной идентичности в постсоветской России и пути его преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. № 10. С. 35–38.
25. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
26. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М: Прогресс, 2006. С. 313–314.
27. Baggini Julian. What's It All About?: Philosophy and the Meaning of Life. Oxford University Press, 2005. 224 p.
28. Europäische Identität in der Krise?: Europäische Identitätsforschung und Rechtspopulismusforschung im Dialog (Europa – Politik – Gesellschaft) (German Edition). Springer. 2017. 277 p.
29. Kıymaz Tufan. On the Meaning of “the Meaning of Life” // *Filosofia Unisinos*. 2019. Iss. 20 (2) P. 146–154.
30. Metz Thaddeus. *Meaning in Life: An Analytic Study*. Oxford University Press. 2014. 288 p.

References

1. Aver'yanov V.V. *Civilizaciya potopa i mirovaya gibrinaya vojna*. M.: Rodina, 2021. 271 s.
2. Anisin A.L. *Sobornost': fenomen, ponyatie i princip* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 33 (171). S. 5–11.
3. Ahiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta*. V 3 t. M.: FO SSSR. 1991.
4. Bezrukov A. *Pochemu Zapad boitsya Rossiyu. Kto zainteresovan v kritike sovetского proshlogo?* URL: <https://cont.ws@nikolaskas/2006412/> (date of access: 12.09.2021).
5. Bepalova T.V., Rastorguev V.N. *Patriotizm i russkaya civilizacionnaya identichnost' v sovremennom rossijskom obshchestve*. M.: Institut naslediya, 2017. 224 s.
6. *V odnom shage ot vojny. Odno iz samyh zagadochnyh Interv'yu Vladimira Putina*. URL: <https://telegra.ph/V-odnom-shage=ot=vojny-Odno-iz-samyh-zagadochny> (date of access: 17.08.21).
7. Gadzhieva R.G. *Krizis rossijskoj identichnosti v usloviyah globalizacii* // *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2009. № 2. S. 35–41.
8. Grasian B. *Karmannyj orakul*. M.: Nauka, 1984. 632 s.
9. *Zagadka russkoj filosofii*. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1272263/post346377438/> (date of access: 24.09.2021).
10. Il'in I.A. *Sushchnost' i svoeobrazie russkoj kul'tury*. M.: Russkaya kniga, 2007. 464 s.
11. Kuz'mina M.A. *Smysl kak mezhdisciplinarnyj ob'ekt* // *Voprosy filosofii*. 2021. № 8. S. 130–141.
12. Losev A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)*. M.: Izdatel'skij dom YaSK, 2021. 696 s.
13. Mamleev Yu.V. *Rossiya Vechnaya*. M.: Izdatel'skaya gruppa Tradiciya, 2020. 232 s.
14. *O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* // *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (date of access: 20.09.2021).
15. Pushkin A.S. *Dar naprasnyj, dar sluchajnyj* // *Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. T. 3. Kn. 1. Stihotvoreniya, 1826–1836. Skazki*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. S. 104.
16. *Raz v 100 let vsya Evropa sobiraetsya silami, chtoby ponyat', naskol'ko Rossiya yavlyaetsya nepobedimoy*. URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/raz-v-100-let-vsya-evropa-sobiraetsya-silami-chtoby-poniat-naskolko-rossiya-ivavlyaetsya-nepobedimoi-60a228ba0e5c522bd8aedf03 (date of access: 03.08.2021).
17. Sagatovskij V.N. *Est' li budushchee u russkoj filosofii?* // *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2009. T. 10. Vyp. 1. S. 121–130.

18. Skandal v filosofii. Novejšij filosofskij slovar'. (Gl.nauch. redaktor i sostavitel' Gricanov A.A.) Minsk: Knizhnyj dom, 1999; Istoriya filosofii. Enciklopediya. Minsk: Intepresseriya: Knizhnyj dom, 2002. 1375 s.
19. Smirnov A.V. Tekushchie zadachi russkoj filosofii // Problemy civilizacionnogo razvitiya. T. 3. № 1. (2021). S. 188–208.
20. Spiridonova V.I. «Krizis identichnosti» v Rossii i popytki ego preodoleniya // Informacionnyj sbornik «Bezopasnost'». 1994. № 1–2. S. 39–45.
21. Trubeckoj E.N. Smysl zhizni. URL: <https://azbuka.ru/otecchnik/EvgeniyTrubeckoj/smysl-zhizni/> (date of access: 08.08.2021).
22. Tyutchev F.I. Rossiya i Germaniya. Pis'mo doktoru Gustavu Kol'bu, redaktoru «Vseobshchej Gazety». Rossiya i Zapad. M.: Kul'turnoe nasledie: Respublika. 2007. 574 s.
23. Frank S.L. Sushchnost' i motivy russkoj filosofii // Russkoe mirovozzrenie. SPb.: Nauka, 1996. S. 146–160.
24. Chekmeneva T.G. Krizis nacional'noj identichnosti v postsovetskoj Rossii i puti ego preodoleniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 10. S. 35–38.
25. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo. SPb.: Nauka, 2016. 568 s.
26. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. Per. s angl. M: Progress, 2006. S. 313–314.
27. Baggini Julian. What's It All About?: Philosophy and the Meaning of Life. Oxford University Press, 2005. 224 p.
28. Europäische Identität in der Krise?: Europäische Identitätsforschung und Rechtspopulismusforschung im Dialog (Europa – Politik – Gesellschaft) (German Edition). Springer, 2017. 277 p.
29. Kiyamaz Tufan. On the Meaning of “the Meaning of Life” // Filosofia Unisinos. 2019. Iss. 20 (2). P. 146–154.
30. Metz Thaddeus. Meaning in Life: An Analytic Study. Oxford University Press, 2014. 288 p.

Примечание

Понятие «кризис идентичности», как известно, было впервые сформулировано и в дальнейшем разработано известным американским специалистом по социальной и индивидуальной психологии Э. Эриксонем применительно не только к отдельному индивиду, но и большим социальным сообществам, таким как нация и государство, переживающими потрясения в переломные моменты истории. В своих исходных, фундаментальных предпосылках данное понятие со второй половины XX века используется представителями разных научных школ и направлений, получив широкое распространение в современной культуре многих стран, включая Россию.